

УДК 159.95

Е.И. Медведская

канд. психол. наук, доц., зав. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: psihkaf@brsu.brest.by

**ТИПОЛОГИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ КУЛЬТУР:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
И ВОЗМОЖНОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ**

Представлено теоретическое обоснование дифференциации представителей двух сосуществующих в настоящее время информационных культур: традиционной культуры печатного слова и формирующейся культуры медиаобраза. В качестве основания для типологии предлагается использование двух координат: выбор субъектом 1) культурного орудия (слово/образ) и 2) деятельности, задаваемой сделанным выбором (чтение/просмотр). Методом идеальных типов определены представители разных информационных культур, обобщенно обозначаемые как «человек читающий» и «человек просматривающий». Описаны результаты эмпирического исследования распространенности обозначенных типов, доказывающие явно выраженную тенденцию к доминированию представителей культуры медиаобраза даже среди взрослых людей с высшим образованием, занятых в сферах интеллектуального труда.

Введение

Общество высоких технологий, в том числе и информационных, актуализирует проблемы гуманизации жизни, в решение которых включены разные специалисты. Необходимо отметить, что психология в данном случае находится буквально на периферии, поскольку подавляющее большинство исследований сосредоточено в области клинической психологии, а именно на пограничных или клинических случаях различного рода техногенных аддикций, их симптоматики и детерминант, прежде всего, индивидуально-психологических. Между тем один из фундаментальных постулатов культурно-исторической психологии – невозможность понимания человека вне контекста его культурной ситуации – может служить методологическим основанием для расширения сферы собственно психологических исследований. Одним из шагов в данной области является построение психологической типологии информационных культур и их представителей. Как любая типология, она должна позволять упорядочивать разнородные множества объектов (в нашем случае субъектов) на некотором надежном, однозначном основании для их внутригрупповой идентификации и межгрупповой дифференциации [1].

Создание подобной типологии представляется необходимым не только теоретически, но и практически, поскольку как происходящие стихийно, так и специально организованные изменения во многих областях социальной практики, связанные с распространением электронных информационных технологий, часто ограничиваются технологическим обоснованием. Например, диктуемое сегодня образованию как «веяние времени» обязательное использование каких-либо из этих технологий аргументировано, как правило, параметрами типа «быстрее», «больше» и т.п. Но при этом фактически не оцениваются гуманитарные последствия: Насколько эти информационные «быстрее» и «больше» востребованы обучающимся? Сможет ли он это вообще усвоить и как это делает? Какое значение новые образовательные технологии имеют для развития человека? Подобное игнорирование собственно человека, для которого по сути и предназначены любые технологии, присутствует и в других сферах социальной жизнедеятель-

УДК 343.341

Е.А. Комарова

*канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовного процесса, криминалистики
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Крымского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: ele0770@yandex.ru*

**ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Проанализированы вопросы применения меры пресечения в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Беларусь.

В Российской Федерации важная роль в осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства принадлежит органам прокуратуры (ст. 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») [1]. Контроль за ее осуществлением возложен на Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Похожее положение содержится в ст. 494 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь, в соответствии с которой Генеральная прокуратура Республики Беларусь принимает решения по просьбам органов иностранных государств и просьбам органов уголовного преследования в рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности [2].

Организационные основы и порядок международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств регламентируются правовыми актами Генерального прокурора Российской Федерации. Так, приказом от 12 марта 2009 г. № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации» определено, что взаимодействие с органами, организациями и учреждениями иностранных государств, а также международными органами и организациями является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации [3, с. 280]. При осуществлении международного сотрудничества органами прокуратуры большое внимание уделяется обеспечению общепризнанных стандартов прав человека, что является одной из ведущих тенденций, определяющих в современных условиях развитие этого института. Интересы борьбы с преступностью не умаляют, а, напротив, актуализируют необходимость защиты прав человека при осуществлении международного сотрудничества.

Контроль за соблюдением прав человека, помимо национальных структур, могут осуществлять и международные судебные органы, в частности, для Российской Федерации таким органом является Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). С момента подписания и ратификации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. применение правовых позиций ЕСПЧ в деятельности органов прокуратуры позволяет не только разрешать возникающие в правоприменительной практике проблемы, но и предотвращать возможные нарушения основополагающих прав и свобод участников уголовного судопроизводства в будущем. Среди наиболее значимых позиций ЕСПЧ относительно нарушений Конвенции вопросы, связанные с институтом экстрадиции, занимают около 3 %. Как правило, в этих случаях при рассмотрении жалоб против России ЕСПЧ констатирует нарушения ст. 3 «Запре-

шение пыток» и ст. 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность», вследствие чего эти нарушения ЕСПЧ признает в качестве системных [4, с. 6–9].

Одним из важнейших вопросов, связанным с выдачей лица для уголовного преследования или исполнения приговора, является применение меры пресечения для ее обеспечения. С этой целью прокурору предоставлено право при необходимости избрать меру пресечения. Причем если есть решение иностранного органа правосудия, то мера пресечения применяется без дополнительного подтверждения со стороны суда Российской Федерации, если нет, то прокурор выступает с ходатайством об избрании меры пресечения в судебном порядке.

Возникает вопрос, какая мера пресечения может быть применена (заключение под стражу, домашний арест или иные меры пресечения) и на какой срок. Что касается сроков ограничения свободы, то они могут варьироваться в зависимости от того, участником какого международного договора является государство. Порядок избрания или применения меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица иностранному государству предусмотрен в ст. 466 УПК Российской Федерации (УПК РФ) [5]. Если договором предусмотрен иной порядок, чем в УПК РФ, то применению подлежит международный договор (ст. 1 УПК РФ). Однако это правило необходимо применять с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой Конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ подлежат реализации только при условии признания высшей юридической силы Конституции Российской Федерации [6, с. 73–84]. Т.е. единой схемы в этом случае быть не может, но прежде чем осуществлять задержание и применение меры пресечения, необходимо тщательно изучить международную правовую базу, существующую между государствами.

Наиболее часто применяемыми международными документами по данному вопросу являются Европейская Конвенция о выдаче 1957 г. [7] и Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (Минская Конвенция 1993 г.) [8]. (Республика Беларусь, не являясь членом Совета Европы, не применяет Европейскую Конвенцию о выдаче 1957 г.). На основании анализа Минской Конвенции 1993 г. можно сделать вывод, что до получения требования о выдаче к лицу по ходатайству государства может быть применена мера процессуального принуждения – задержание. Причем если есть решение суда иностранного государства, то максимальный срок задержания составляет 1 месяц, если нет – 48 ч. Так, ст. 62 предусматривает, что задержанное лицо должно быть освобождено, если ходатайство о взятии его под стражу не поступит в течение срока, предусмотренного законодательством для задержания (для Российской Федерации этот срок составляет 48 ч без судебного решения, для Республики Беларусь не может превышать 72 ч с момента фактического задержания).

Несколько иной вариант предусмотрен в Европейской Конвенции 1957 г., согласно которой срок содержания под стражей задержанных лиц (до поступления запроса о выдаче) не может превышать 40 дней с момента задержания. Однако следует обратить внимание, что данный срок не может превышать 1 месяца при задержании лиц, разыскиваемых правоохранительными органами Республики Узбекистан, Кыргызской Республики, Туркменистана, Азербайджанской Республики, поскольку данные государства, являясь участниками Минской конвенции, не ратифицировали дополнительный Протокол от 28.03.1997 г. к Минской Конвенции 1993 г. После поступления требования о выдаче к лицу может быть применена мера пресечения на срок не более 40 дней со дня взятия под стражу.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, ч. 1 ст. 466 УПК РФ не предполагает возможности задержания лица на основании ходатайства иностранного государства на срок свыше 48 ч без судебного решения, а равно применения к такому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков [9].

Европейская Конвенция 1957 г. не предусматривает разграничения задержания и меры пресечения. Эти категории объединены в одно понятие – временное задержание, которое можно воспринимать как меру пресечения. Однако в указанном международном документе содержится дополнительная гарантия соблюдения права человека на свободу: ст. 16 предусмотрено, что временное задержание может быть отменено, если в течение 18 дней после задержания запрашиваемая Сторона не получила просьбы о выдаче и необходимых документов. В любом случае этот период не превышает 40 дней с даты такого задержания. Т.е., по общему правилу, прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном УПК РФ. Это общая норма, поскольку существуют отдельные виды выдачи, при которых применение данной меры пресечения возможно только с разрешения суда, в частности, в случаях нахождения в розыске лица, подлежащего выдаче для приведения в исполнение приговора иностранного суда.

Сроки содержания лица под стражей и порядок их продления регламентированы общими нормами содержания лиц под стражей (ст. 109 УПК РФ; ст. 513 УПК Республики Беларусь). Что касается вопроса, какая именно мера пресечения может быть избрана, то закон не ограничивает правоприменителя в выборе. Вместе с тем ее применение должно обеспечивать реальное исполнение решения о выдаче лица иностранному государству. УПК РФ и УПК Республики Беларусь в этом случае оговаривают применение заключения под стражу и домашний арест, а Минская Конвенция 1993 г. и Европейская Конвенция о выдаче 1957 г. предусматривают применение только заключения под стражу.

Следует отметить, что ст. 466 УПК Российской Федерации не обязывает, а предоставляет право прокурору избрать меру пресечения в случае отсутствия по этому вопросу решения судебного органа иностранного государства либо при наличии такого решения. Этот вопрос вызывает большие сложности на практике, поскольку в некоторых международных документах делается прямое указание на обязанность совершения таких действий (например, ст. 60 Минской конвенции 1993 г.). В этом случае положение ст. 466 УПК РФ вполне логично, поскольку компетентные органы Российской Федерации с целью реализации положений международного права должны обеспечить возможность передачи лица иностранному государству, имея при этом возможность самостоятельно определять меру пресечения, достаточную для ее обеспечения в пределах договорной базы между государствами и с учетом национального законодательства.

Таким образом, порядок избрания или применения меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица предусмотрен ст. 466 УПК РФ ст. 512 УПК Республики Беларусь. Указанные статьи регулируют вопросы применения мер пресечения уже после получения запроса о выдаче, а до этого момента применяется задержание как строго ограниченная, краткосрочная, обеспечительная мера, применение которой возможно до получения требования о выдаче. После получения такого требования (запроса) применяется мера пресечения, предусмотренная международным договором и законодательством обоих государств. Среди международных договоров, касающихся вопросов экстрадиции, безусловным приоритетом обладает Минская Конвенция 1993 г. Эффективное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации с компетентными

органами Республики Беларусь гарантирует ускорение рассмотрения требований (запросов) о выдаче лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора. Это, в свою очередь, приведет к взаимному улучшению качества оказания правовой помощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 : в ред. Федер. закона от 29.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/secti-on/criminal-codes>. – Дата доступа: 10.10.2017.
3. Настольная книга прокурора : в 2 ч. / под. общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2017. – Ч. 2. – 378 с. (Сер. Профессиональная практика).
4. Малов, А. Сотрудничество Генеральной прокуратуры РФ с компетентными органами зарубежных государств в вопросах экстрадиции / А. Малов // Законность. – 2012. – № 12. – С. 6–9.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18.12.2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 05.12.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
6. Щерба, С. П. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека о роли прокурора в уголовном процессе: прецедентная практика и проблемы / С. П. Щерба [и др.] // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – 2015. – № 6. – С. 73–84.
7. Европейская конвенция о выдаче [Электронный ресурс] : [заключена в г. Париже 13.12.1957 г.] : с изм. от 20 сент. 2012 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2012.
8. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : [заключена в г. Минске 22.01.1993 г.] : с изм. от 28 марта 1997 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 1997.
9. По жалобе гражданина США Менахема Сайденфельда на нарушение ч. 3 ст. 1 и ч. 1 ст. 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации его прав, гарантируемых Конституцией Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда РФ, 1 марта 2007 г., № 333-О-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2007.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Komarova E.A. The Order of Selection and Application of a Measure of Restriction within a Framework of International Cooperation of the Russian Federation and the Republic of Belarus

The article presents the issues of application of a measure of restriction within a framework of legal assistance rendering in accordance with legislation of some countries, in particular the RF and the Republic of Belarus.

УДК 159.95

Е.И. Медведская

канд. психол. наук, доц., зав. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: psihkaf@brsu.brest.by

**ТИПОЛОГИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ КУЛЬТУР:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
И ВОЗМОЖНОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ**

Представлено теоретическое обоснование дифференциации представителей двух сосуществующих в настоящее время информационных культур: традиционной культуры печатного слова и формирующейся культуры медиаобраза. В качестве основания для типологии предлагается использование двух координат: выбор субъектом 1) культурного орудия (слово/образ) и 2) деятельности, задаваемой сделанным выбором (чтение/просмотр). Методом идеальных типов определены представители разных информационных культур, обобщенно обозначаемые как «человек читающий» и «человек просматривающий». Описаны результаты эмпирического исследования распространенности обозначенных типов, доказывающие явно выраженную тенденцию к доминированию представителей культуры медиаобраза даже среди взрослых людей с высшим образованием, занятых в сферах интеллектуального труда.

Введение

Общество высоких технологий, в том числе и информационных, актуализирует проблемы гуманизации жизни, в решение которых включены разные специалисты. Необходимо отметить, что психология в данном случае находится буквально на периферии, поскольку подавляющее большинство исследований сосредоточено в области клинической психологии, а именно на пограничных или клинических случаях различного рода техногенных аддикций, их симптоматики и детерминант, прежде всего, индивидуально-психологических. Между тем один из фундаментальных постулатов культурно-исторической психологии – невозможность понимания человека вне контекста его культурной ситуации – может служить методологическим основанием для расширения сферы собственно психологических исследований. Одним из шагов в данной области является построение психологической типологии информационных культур и их представителей. Как любая типология, она должна позволять упорядочивать разнородные множества объектов (в нашем случае субъектов) на некотором надежном, однозначном основании для их внутригрупповой идентификации и межгрупповой дифференциации [1].

Создание подобной типологии представляется необходимым не только теоретически, но и практически, поскольку как происходящие стихийно, так и специально организованные изменения во многих областях социальной практики, связанные с распространением электронных информационных технологий, часто ограничиваются технологическим обоснованием. Например, диктуемое сегодня образованию как «веяние времени» обязательное использование каких-либо из этих технологий аргументировано, как правило, параметрами типа «быстрее», «больше» и т.п. Но при этом фактически не оцениваются гуманитарные последствия: Насколько эти информационные «быстрее» и «больше» востребованы обучающимся? Сможет ли он это вообще усвоить и как это делает? Какое значение новые образовательные технологии имеют для развития человека? Подобное игнорирование собственно человека, для которого по сути и предназначены любые технологии, присутствует и в других сферах социальной жизнедеятель-